

Похороны Баумана.

У гроба.

Въ Москвѣ 21-го октября хоронили ветеринарнаго врача Баумана, убитаго изъ-за угла въ первый-же день объявленія „свободы“.

Московский пролетаріатъ особой прокламаціей приглашался почтить память своего соотчлена, умершаго на посту въ борьбѣ за социальное государство. Съ ранняго утра, когда еще было полусвѣтло, дворъ технического училища постепенно началъ наполняться рабочими съ красными перевязями на рукахъ и бантами въ петлицахъ. Но не одинъ пролетаріатъ почтилъ своимъ присутствіемъ память убитаго Баумана, почтила его и интеллигенція, и даже чиновничество. Среди присутствовавшихъ находились даже офицеры, солдаты, военные врачи.

Въ 10 часовъ утра дворъ Императорскаго технического училища представлялъ невиданное зрѣлище, сюда собралось нѣсколько десятковъ тысячъ учащейся молодежи, рабочихъ и представителей адвокатуры, искусства, литературы и многихъ торговыхъ и промышленныхъ учреждений. Во дворъ то и дѣло входили группы отъ всевозможныхъ союзовъ со стягами въ рукахъ, приносились роскошные вѣнки. Стяги и вѣнки въ сѣдяхъ по лѣстницѣ училища въ актовъ залъ, гдѣ находился гробъ съ тѣломъ покойнаго Н. Е. Баумана. Гробъ безъ крышки, обитый красной фланелью, стоялъ на клеенчатомъ черномъ столѣ и былъ плотно покрытъ краснымъ покровомъ, на которомъ лежало три вѣнка. На срединѣ гроба находилась широкая красная лента, спускавшаяся внизъ, съ надписью: „Дорогому товарищу и незабвенному сотруднику отъ рабочей партіи“

социаль-демократовъ, погибшему борцу за свободу Н. Бауману 18-го октября 1905 года".

Около двѣнадцати часовъ было объявлено, что процессія сейчасъ тронется. Были подняты вѣнки и стяги. Между вѣнками были со слѣдующими надписями:

Терновый съ пальмовыми вѣтвями съ надписью: „Товарищу, погибшему на боевомъ посту отъ М. Горькаго и Л. Андреева“, отъ русской социаль-демократической партіи московскаго комитета, терновый вѣнокъ съ пальмами отъ Качаловыхъ съ надписью: „Свѣжей памяти борца за свободу“, отъ союза равноправности женщинъ—„Борцу за свободу“; „Дорогому, славному борцу за свободу благодаяе гражданинъ“, отъ второго съѣзда Р. С. Д. Р. П.: „Незабвенному товарищу члену делегату М. К., „Товарищу борцу“ отъ московской группы той же партіи; отъ московскаго комитета партіи социалистовъ-революціонеровъ съ надписью: „Борцу-революционеру, предательски убитому“, „Неутомному борцу за дѣло пролетаріата“ отъ Сокольническаго района, лавровый вѣнокъ отъ служащихъ корпораціи центральнаго московскаго городского управленія съ надписью: „Борцу за свободу, павшему въ день объявленія свободы“, отъ уголовныхъ московской губернской тюрьмы „Николаю Бауману, борцу за свободу“ съ бѣлыми лентами, окаймленными черной полосой, отъ освобожденныхъ изъ бутырской тюрьмы съ надписью: „Жертвѣ произвола, товарищу борцу за дѣло пролетаріата“, отъ московскаго, окружнаго комитета Р. С.-Д. Р. П. „Борцу, погибшему въ 1-й день свободы“, отъ ветерановъ и фельдшеровъ г. Москвы, отъ забастовочнаго комитета кредитныхъ учрежденій г. Москвы съ надписью: „Борцу за свободу, убитому въ свободной Россіи“, отъ друзей ветеринаровъ: „Вождю пролетаріата Н. Е. Бауману“, отъ союза политическихъ защитниковъ „Жертвѣ свободы безъ гарантіи“ и многіе другіе.

Процессія.

Первымъ впереди процессіи надъ толпой колыхнется стягъ съ надписью: „Да здравствуетъ вооруженное возстаніе и учредительное собраніе на началахъ прямого, равнаго и тайнаго голосованія“. Подъ нимъ сгруппировались партіи социаль-демократовъ и социаль-революціонеровъ. За нимъ слѣдуетъ второй: „Пролетаріи всѣхъ странъ, объединяйтесь!“ Затѣмъ третій: „Русская социаль-демократическая партія рабочихъ“, вотъ четвертый съ надписью: „Требуемъ учредительнаго собранія и всеобщаго, прямого, тайнаго голосованія“. Вотъ проходятъ знаменосцы съ пятимъ стягомъ. На немъ надпись: „Долой самодержавіе, да здравствуетъ временное революціонное правительство и республиканскій строй“. За пятимъ идетъ шестой, седьмой и другіе. Всѣ красные. На нихъ надпись: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь“; „Да здравствуетъ 8-часовой рабочий день“; „Да здравствуетъ социализмъ“; „Слава погибшимъ, живущимъ свобода“; „Свобода всѣхъ гражданъ безъ различія пола и національности“; „Да здравствуетъ революція“; „Местъ тиранамъ“; „Да здравствуетъ единая социаль-демократическая рабочая партія“; „Въ борьбѣ ты обрѣтешь право свое“. „Долой черную сотню“, „Слава погибшимъ защитникамъ народа“ и м. др. Позади вѣхали санитарныя кареты „Краснаго Креста“. Подъ звуки похороннаго марша шествіе дошло до межевого института, останавливаясь у царевей: и тысячи голосовъ пѣли „Вѣчную память“. Такъ процессія прошла Нѣмецкую, Старую Басманную и вышла на Покровку. Всюду ее встрѣчали новыя тысячи народа. На всемъ пути изъ раскрытыхъ оконъ и балконовъ выѣшивались красные флаги, ленты, краснаго цвѣта матерія.

Народъ во время пути то пѣлъ „похоронный“

маршъ, то „Варшавяну“, то „Вставай, поднимайся“ и „Вѣчную память“. За нѣсколько саженей до зданія консерваторіи нѣже смолкло и раздался звукъ струннаго оркестра. Играли похоронны маршъ на слова: „Вы жертвою пали“... Звукъ росл и росл. Играли воспитанники консерваторіи. Оркестръ пошелъ впереди процессіи.

Порядокъ былъ образцовый. Народъ призывался къ нему особымъ плакатомъ, который несли далеко впереди процессіи. На немъ была надпись: „Граждане, сами соблюдайте порядокъ“.

Когда послѣдній стягъ изъ зала былъ вынесенъ, къ крышкѣ гроба, обитой красной фланелью, подошли вдова убитаго, г-жа Бауманъ, и еще нѣсколько женщинъ и, приподнявъ ее, направились къ выходу. На крышкѣ былъ прикрѣпленъ вѣнокъ со слѣвующей надписью: „Дорогому товарищу отъ центрального комитета Р. С. Д. Р. П. и незабвенному сотруднику“. За крышкой гроба несутъ отъ российской социаль-демократической партіи московскаго комитета громадныхъ разноразмерное боевое знамя изъ краснаго бархата съ золотыми кистями. За знаменемъ несутъ гробъ, безъ изжввшихъ на немъ вѣнковъ, покрытый краснымъ шелковымъ покровомъ, въ которому прикрѣпленъ небольшой букетъ красныхъ шелковыхъ цвѣтовъ.

Гробъ былъ поднятъ представителями революціоннаго комитета и вынесенъ при гробовомъ молчаніи во дворъ. Въ это время изъ сосѣднихъ въ автоному залу помѣщевій стали быстро одинъ за другимъ выходить участники боевой дружины, санитарные отряды и хоръ. Выйдя во дворъ, боевая дружина охватила воцломъ процессію. Всѣ замерли. Но вотъ раздался звукъ похороннаго марша: „Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой“, и процессія тронулась. Двигаться можно было съ трудомъ. Толпа какъ-бы состояла изъ одной компактной массы. Впереди безконечное море головъ. Десятки тысячъ рукъ поднимаются въ фуражкамъ.

Порядокъ былъ при шествіи образцовый. Еще у технического училища, гдѣ находилось тѣло убитаго, рабочіе, студенты, интеллигенція и вообще всѣ присутствовавшіе стали въ стройныя колонны по нѣскольку сотъ человекъ, по десяти пятнадцати лицъ въ рядъ. Каждый рядъ представлялъ какъ-бы стѣну, всѣ его составлявшіе держали другъ друга за руки.

Картина была не только величественна, но и трогательна. Въ этихъ соединенныхъ рукахъ чувствовалась мощь объединеннаго народа общими интересами.

Почти при самомъ выходѣ процессіи изъ технического училища чуть было не произошло переносокъ. Кто-то крикнулъ: „казани, казани!“—и нѣсколько человекъ ринулись въ равныя стороны. Въ стройныхъ колоннахъ произошло замѣшательство, малодушные, бросивъ руки сосѣдей, бросились бѣжать, но вотъ изъ толпы въ этому мѣсту быстро подошло нѣсколько десятковъ студентовъ равныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, они мужественно остановили толпу, успокоивъ ее тѣмъ, что никто не посмѣетъ сейчасъ подойти къ ней и безнаказанно ее тронуть, такъ какъ здѣсь въ процессіи участвуетъ вооруженная „боевая дружина“.

Однако, произошло и нѣже инциденты. Представители партіи демократической и революціонной рѣшили провести всю процессію мирно, не давая поводовъ къ столкновенію съ войсками и полиціей, и потому вся процессія была организована легальнымъ образомъ. Надъ толпой взвивались красныя знамена съ легальными теперь надписями: „Да здравствуетъ 8 часовая рабочій день!“ но вотъ надъ толпой взвивается нѣсколько черныхъ знаменъ съ надписями, вымывающими въ крови. Мрачно качну-

лись они въ воздухѣ, одиноко стояли эти знамена среди сотенъ красныхъ знаменъ, объединяющихъ подъ своими стягами кадры пролетариата. Черныя же знамена объединяють группы анархистовъ.

Въ толпѣ произошло замѣшательство; всѣ недоумѣвали, откуда могли вѣяться эти знамена, кто поставилъ ихъ среди знаменъ рабочихъ?

И черезъ нѣсколько мгновѣній черныя знамена спрятались. Организаторы потребовали убрать ихъ, чтобы не навлекать на толпу совершенно безцѣльныхъ нападеній. Послѣ этого инцидента шестые мирно направилось по Нѣмецкой, а затѣмъ по Старой Басманной въ Красныя ворота и далѣе по Мясницкой. Красный гробъ, покрытый краснымъ знаменемъ, несла все время на рукахъ сама публика. Крышка гроба, тоже красная, утопала въ цвѣтахъ. Ее несли какъ мужчины, такъ и женщины. У всѣхъ присутствовавшихъ имѣлись красныя значки, такія же перевязи или ленты черезъ плечо. Медленно двигалась процессія по улицамъ Москвы, все увеличиваясь въ количествѣ участникомъ. Все время неслись звуки похороннаго марша:

Вы жертвою пали въ борьбѣ рековой
Любви беззащитной къ народу.
Вы отдали все, что могли, за него,
За честь его, счастье свободу...

На кладбищѣ.

Процессія подошла къ настѣжъ отвореннымъ воротамъ Ваганьковского кладбища и стала стройными рядами, неся впереди знамена, входить въ нихъ. Когда гробъ поравнялся съ воротами, процессія остановилась; соевиченные хоръ и оркестръ консерваторіи и Фалармоническаго училища исполнили похоронный маршъ, послѣ чего процессія двинулась къ послѣднему мѣсту упокоенія.

Могила для Баумана была приготовлена въ самомъ концѣ кладбища, рядомъ съ погѣбшими на Ходынскомъ полѣ. Около нея ярко пылалъ громадный костеръ, который и указывалъ толпѣ дорогу. Духовенство отсутствовало. Гробъ былъ поставленъ у могилы, съ покойнаго сняли красный покровъ и стали закрывать гробъ крышкой. Въ это время жена покойнаго, все время сосредоточенно-спокойно шедшая за гробомъ, не выдержала. Съ истеричнымъ воплемъ бросилась она къ гробу, обхватила трупъ руками, привала къ нему, обсыпая поцѣлуями, и въ безумномъ экстазѣ требовала, чтобы ей вернули мужа, вернули дорогое, любимое существо. Съ трудомъ удалось успокоить ее и отвести въ сторону. Крышка была заколочена; вокругъ гроба стали флаги, хоръ и оркестръ; на возвышеніе поднялись ораторы. Первымъ говорилъ товарищъ покойнаго, задержанный нѣтъ тюрьмы наканунѣ убійства Баумана. Охарактеризовавъ въ общемъ покойнаго, какъ человека и какъ борца за свободу, ораторъ призывалъ всѣхъ свято исполнять завѣты его и бороться такъ же стойко, не щадя своей жизни, какъ боролся убитый. Вслѣдъ за нимъ стала говорить жена покойнаго.

— Сейчасъ вы видѣли меня, товарищи, — говорила она, — какъ убитую горемъ женщину. Простите мнѣ эту слабость. Но теперь я уже справилась. Клянусь вамъ, что всю мою жизнь я останусь вѣрна завѣтамъ моего мужа — дѣлу народной свободы. Я посвящу себя всецѣло, но ввамѣнь этого вы должны здѣсь, у трупа мужа моего, погѣбшаго за эту свободу, появиться въ томъ, что отомстите за смерть его, отомстите не единичной кровью за кровью, а крѣпко сплоченной борьбой противъ безправія, произвола властей и противъ главнаго зла нашего — самодержавія. Вы должны появиться мнѣ въ этомъ!

— Клянемся! — твердо, спокойно отвѣчала ей многотысячная толпа, обнаживъ головы;

многіе рабочіе со слезами
себя крестнымъ знаменіемъ
Подъ звуки похороннаго
былъ опущенъ въ могилу и
дружины въ боевой охраны,
высокою горою на могилѣ,
сняты съ древковъ и спрятаны.

Процессія спокойно, стройными
стала поведать кладбище, имѣя
бую дружину. (Рус. Л.)